Плач вдовы по мужу, погибшему в Киваче при сплаве леса

Села-то я, бедная, подумала,
Я раздумалась своим да умом-разумом:
Как на исходе-то холодная-студёная зимушка,
Наступает-то гульлива да разливна красна вёснушка,
Приходит-то тёпло красное вот летушко.
Как потают вот пушистые снежочики,
Разнесёт-то хрустальнпе лёдочики,
Поразольются озёра, бережочики,
Как пойдут да добры людушки, пойдут да поразъедутся
По всим-то по разныим сторонушкам,
По всяким-то оны да по наживушкам;
Как мой-то законная семеюшка
Куда удалится ли отправится али прй доме останется?
Подходил-то мой законная семеюшка ко косивчату окошечку,
Он садился на брусову белу лавочку,
Он садился призадумавши,
Приклонил-то свою мла́дую головушку,
Утопил да свои ясные он оченьки.
Говорила я, кручинная головушка:
«Ты чего сидишь теперь да призадумался,
Чужих басен ты чего же приослушался,
У молодушек ли ты да разговорушек,
Ли у девушек жупливых жалких лисенок,
Ли у старушенек ли ты да повестушечек?»
Отвечал в ответ удалая головушка:
«Ничего я не ослушался, уж я только призадумался.
Как теби-то нет заботушки в головушке,
А у мня много заботушки в головушке!
Как долит-то вот великая заботушка
И крушит мою мла́дую головушку,
Холодит мое ретивоё сердечушко.
Вот зима теперь кончается и весна да приближается.
Денежки теперь да придержалися,

Хлебушки у нас теперь лриелися,
И наживушки теперь да не привидится, а работы не прислышится,
Я не знаю сам теперечу, не ведаю,
Мни куды идти теперь да на наживушку,
Мни в которую отправиться сторонушку?
Уж я сдумал-то своим да умом-разумом:
Теперь люди-то на сплав да отправляются,
Да на выгонку бревенну снаряжаются,
Либо мне туда вот с ним а да отправиться?
Там работушка ведь сру́чная,
Там ведь плата есть хорошая,
Там есть хлебушки готовые,
Ли отправлюсь, добрый молодец?»
Говорила я, кручинная головушка:
«Не ходи-ко ты на этую наживушку —
Хоть много-то туда да отправляются,
Да много и назад не возвращаются;
Там нажива есіъ не славная, а работа там задорная,
Там ведь служба беспокойная!
Та работушка теби будет несру́чная,
К той работушке-то вы да непривычный,
Там да никогда вы не бывали,
Той работки и в глаза вы не видали,
Там по утрышку ставать надо ранешенько,
До красного до праведного солнышка,
А по вечеру ложиться спать поздёшенько
Не на мягкую постелюшку, а на матушку сыру землю;
А постелюшка та — травонька мура́вая да мягкие мошочеки,
А зголовьице-то — сини камешёчики!
Надо цельный день по бережку похаживать,
По всим-то по сторонушкам посматривать,
Скорёшенько поскакивать, поскорее-то подбегивать;
Надо бегать по холодной ключевой воды,
Скакать надо прискакивать по лесам да по бревёшечкам,
За порядком-то посматривать,
Да бревёшечки направливать по ключёвой свежей водушке,
Их от бережков отпихивать, по реке их в ход налаживать!
Там хоть реки не широкие — есте длинные, безмерные,
Там места есте опасные,

Переплавы есте узкие, места да каменистые,
Там пороги есть свирепые,
Там вода бежит сердитая,
Вода бежит, сыграется, сердито колыбается,
В падуны она стекается;
В падунах места топучие,
Подходы туда трудные.
Бревна и́дут по водушке, задеваются за камешки,
Бревно с бревном стречается,
Там заломы набиваются, те заломы есте страшные.
Подходить надо со трудностью, избавлять да их с опасностью.
Подбегать надо смелешенько, избавлять надо скорешенько,
Не стоять да не постаивать, других да не поджидывать,
Не дорожить своей мла́доей головушкой,
Своей жизнью да сесветноей.
Поскорешенько канат надо подхватывать,
Ко деревцам на бе́режках привязывать,
Сквозь люлечку канат надо протягивать,
Поспешать надо во люлечку взаскакивать,
Крестить надо глаза да на святителей,
Избавлять надо бревёшки поскорешенько со залома-то великого,
Поддевать надо баграмы да умнешенько!
Ту осмелить надо мла́дую головушку.
В тую пору, в тое времечко много силы надо ловкости,
Много удати прибавити — со залома бревна сбавити,
Впредь по водушке отправити.
А как и то есте случается, что головки там кончаются.
Как задрожат да ручки белые,
Как не выхватит-то силушки в могутныих во плечушках,
Как, может, скружит ихну младую головушку —
Тут пове́рнётся-то люлька на канатике,
Тогда падают удалые головушки
В кипучую, в сердитую во водушку.
Тогда жизнь да их кончается и головушки решаются».
Отвечал в ответ удалая головушка:
«Везди-то всегда люди вот бывают,
А без суда-то смертей не получают.
Я на реченьку пойду да не на дальнюю, — я на самую на ближную,
Я на сплавку Кондопожскую, на реку пойду на Суньскую.

Я пойду туда близешенько, придет весть да вам скорешенько!»
Снарядила я удалую головушку, отправила законную семеюшку.
Пошел-то он в путистую дороженьку,
Он пошел-то на добычу на наживушку,
Уж мы с им да расставалися, уж мы с им да распрощалися.
Туды сошли наши уда́лы добры молодцы,
Поступили-то оны да на работушку,
На спешную работку, не на свычную;
Стали оны, молодчики, работати,
Денечки вече́риком коротати.
Там длиннешеньки денечики казалися,
Им работка там не нравилась.
По реки Суны отправились, по́ быстрой оны наладились,
Как по бережкам стали оны похаживать, леса стали направливать.
Подходили ко местам оны опасныим,
Ко крежам оны ко кру́тыим, ко порогам ко быстрыим,
К падунам семисаженныим, ко Ги́рвас под названием.
Тут оны заломы избавляли, впредь леса они по Суны отправляли,
Вдоль по речке продолжалися, к Пор-порогу приближалися;
Тут вода да разыгралася,
Встрету бревна да стреталися и заломы набивалися,
Тут молодчики спешилися, за багры оны хваталися,
Тут оны да подловчилися, за заломы принималися,
Вдруг леса да избавлялися, вниз по реченьке спускалися!
Тут пошли оны по-старому, погнали́ леса по-прежнему;
Шли по кру́тыим по бережкам, шутили разны шуточки,
Спевали-то оны да разны песенки,
Шли по реченьке, смеялися, к Кивачу да приближалися.
Как Кивач — место опасное:
Тут река бежит свирипая, а вода есте сердитая,
Тут есть место кряжёвитое, тоё место каменливое.
Как тут бревна поверта́лися, тут заломы набивалися,
Заломы ты великие, леса да тут бессчетные, на сумму ту огромную.
Как молодчики в тот час да ужасалися,
Круг залома-то оны стали побегивать,
В головах стали́ оны почесывать,
Стали́ оны багорики похватывать.
«Вы, робятушки, старайтесь-ко, вы за трости принимайтесь-ко,
Вы за люлечку хватайтесь-ко!»

Хватали-то канатики скорешенько, брали́-то оны люлечку живешенько,
Протя́гали сквозь люлечку канатики смоленые,
Причаля́ли оны трости да ко бережкам,
Скакали-то скорехенько во люлечку,
Стали люлечку близешенько подваживать,
Самы стали «Дубинушку» покрыкивать,
Самы стали багорца-то направливать да за де́ревцы захватывать.
Хоть было́-то у их ловкости,
А не хватило только силушки,
Как подрезало у их да ножки резвые,
Задрожали-то у их да ручки белые,
Закружилися-то мла́дые головушки,
Тут упали-то багорышки со рученек,
Тут свернулась-то у их да эта люлечка,
Тут упали-то удалые головушки
В кипучую, в холодную во водушку,
Тут тонули-то наши добрые-то молодцы,
Тут пришла им скора неначаянна смерётушка!
Видно, богом та смерётка им да сужена,
Да самы ихны головушки на суд пришли!
Их забило во глубокую, во холодную во водушку,
В глубину их утащило непомерную;
Приломало им тут белые-то рученьки,
Придавило ихны младые головушки,
Протащило их по быстроей по реченьке,
Их бросало-то на крутые на бережки!
Тут нашли да их товарыщи,
Поднимали их на белые на рученьки.
Уж как что-то на себе да пригодилося,
В том в земелюшку молодчики ложилися!
Им ни гроба и ни савана, ни досок да посторонниих,
Не наладили веко́вого-то им одеяньица,
Домовищечка не сделали векового,
Ни петья́ божья́ церковного да ни звону колокольного,
Да не при́звали попа-отца духовного!
Как пришло нам письмо-грамотка нерадостно,
Известьицо пришло да невеселое —
Нет во живности нашей-то удалоей головушки,
Что пришла ему скорая неначаянна смерётушка.

Тут съужа́хнулось ретивое сердечушко!
Как-то стану жить я, беднушка-горюшица,
Как возращивать рожоныих сердечных малых детушек
Во вдовиноей во победноей в сиротскоей во жирушке?
Хоть жирушка была да мни-ка нужная,
Так я жена да была мужняя;
А уж как нынечу-теперичу сказать да тяжелешенько,
Ко сердеченьку принять да обиднешенько —
Нелюбимое вдовиное словечко я теперь да получила,
Я осталась вот, победная головушка,
Я во скудноёй во нужноёй во жирушке!
Не осталося именьица, богачества,
Не осталося у нас да золотой казны;
Уж как быдто с корабля да с безызвестного,
Мы осталися, победны, беспоместные,
Быдто в полюшке шатучи деревиночки,
Мы, победные, остались сиротиночки,
От бережка отчалили — ко другому не приехали!
Не поверю я, победнушка, ни письму да я ни грамотке, я ни верному известьицу,
Я сама туда отправлюся, на место на погибшее,
К Кивачу да ко названному, к падуну да ко утоплому;
Стану я по реченьке похаживать
Да у людюшек выспрашивать, у товарищей выведывать:
«Вы скажите-ко, пожалуйста, говорите, не маните-ко,
Ужель есть еще во живности
Моя-то законная семеюшка да удалая головушка?»
Охти мни, бедной горюшице, сама знаю, сама ведаю —
Письмо-грамотка не ложная, а известье не подложное;
Уж как век того не водится — со мертвы́х живы не родятся!

(Зап. от Н. С. Богдановой)

Н. С. Шайжин. Олонецкие водопады Кивач, Пор-Порог и Гирвас в описаниях туристов. Петрозаводск, 1907.